

СЕМАНТИКА МЕРЦАНИЯ В ТЕКСТАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: ОПТИКА И ОНТИКА

В.Б. Малышев

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Самарской государственной технической университет», Самара, Россия

Для цитирования: Малышев В.Б. Семантика мерцания в текстах отечественной культуры: оптика и онтика // Аспирантский вестник Поволжья. 2021. № 7–8. С. 85–90. DOI: <https://doi.org/10.55531/2072-2354.2021.21.4.85-90>

Поступила: 15.11.2021

Одобрена: 26.11.2021

Принята: 30.11.2021

■ В статье поставлен вопрос описания реальности российской культуры в различных исторических проекциях на языке когнитивных метафор, в частности, на основе метафоры мерцания. Понимание парадоксальных кодов российской культуры возможно на уровне семантики её текстов, когда единичные «мерцания» делают более глубоким понимание оптики и архитектоники рассматриваемых образов. Тексты русской культуры доказывают, что мерцание, как некое варьирование «меры» сущего, в частности, меры освещённости, само в себе несёт онтику и оптику обращённой вспять мерности бытия, мерности пространства и времени, в которой возникают образы, прежде всего представленные как метафоры природных сил.

■ **Ключевые слова:** онтологическое мерцание; коды российской культуры; семантика; онтика и оптика.

THE SEMANTICS OF FLICKERING IN THE TEXTS OF RUSSIAN CULTURE: OPTICS AND ONTICS

V.B. Malyshev

Samara State Technical University, Samara, Russia

For citation: Malyshev V.B. The semantics of flickering in the texts of Russian culture: Optics and ontics. *Aspirantskiy Vestnik Povolzh'ya*. 2021;(7-8):85–90. DOI: <https://doi.org/10.55531/2072-2354.2021.21.4.85-90>

Received: 15.11.2021

Revised: 26.11.2021

Accepted: 30.11.2021

■ The article deals with the description of Russian culture reality in various historical projections in the language of cognitive metaphors, in particular the metaphor of flickering. Understanding the paradoxical codes of Russian culture is possible at the level of the semantics of its texts, when single “flickers” make a deeper understanding of the optics and architectonics of the images in question. The Russian cultural texts prove that flickering, as a “measure” of existence, in particular, the measure of illumination, itself carries the ontics and optics of the reversed dimension of being, the dimension of space and time, in which images arise, primarily presented as metaphors of natural forces.

■ **Key words:** ontological flicker; Russian culture codes; semantics; ontics and optics.

Метафизическое осмысление характерных черт российского сознания, понятых как некое парадоксальное соединение несоединимых элементов, парадоксальности российского мышления в целом, остаётся важной и актуальной задачей отечественной философии культуры. Интенции Востока и Запада проходят сквозь сознание русского человека, чтобы, пройдя серию парадоксальных точек бифуркации, стать платформой конструирования новой реальности, нового мира. Вопрос об определённой парадоксальности, прежде всего, как *мерцании* амбивалентных смыслов российского

мышления высвечивается в текстах культуры в разное время, как в философии, так и в литературных текстах. Так, например, он присутствует у Ф.М. Достоевского, А.К. Толстого, Н.О. Лосского, Н.А. Бердяева, И.А. Бродского, Ю.М. Лотмана. Переход от языка бинарных семиотических оппозиций [12] к языку, органически выстраивающему и гармонизирующему систему кодов культуры требует особой стратегии трансцендирования, преодоления ограниченности сознания, мыслящего парадоксально и циклически. В числе последних публикаций, проливающих свет

на пути решения подобных проблем динамики русской культуры, хотелось бы выделить работу М.Н. Эпштейна «Постмодернизм в России», А.В. Водолагина «Русское познание Бога» [7, 24], а также работы других исследователей, раскрывающих некоторые существенные аспекты поставленной проблемы [1, 3, 4, 8, 9, 11, 14, 16, 18, 21].

Несомненно, понятийного инструментария недостаточно для изучения текстов отечественной культуры, религиозных, философских, а также литературных. Указанная выше серия парадоксальных особенностей русского сознания символически выражается в текстах культуры семантикой света и цвета. На уровне литературного языка, как правило, это выражено тропологически, в особенности, с использованием метафоры.

Наиболее продуктивным, эвристически оправданным было бы описание реальности российской культуры в различных исторических проекциях на языке когнитивных метафор. При этом важно отметить, что в философии культуры, культурологии в целом и эстетике порой важнее сама изучаемая реальность, а не методология её изучения. Важно также понять, что на попроще философии культуры метафора, не отрицая понятие, восполняет его эмпирическую недостаточность. Большое значение для понимания места и роли метафоры в исследованиях фактов культуры имеют историческая семантика и теория метафоры (Ф.Р. Анкерсмит, М. Блэк, Х. Ортега-и-Гассет, П. Рикер, Х. Уайт, Дж. Лакофф, М. Джонсон и др.). В плане методологии и эвристических деталей понимания метафоры, а также наиболее важных нюансов семантики отошлём к предшествующим нашим публикациям [12–14].

Феноменология, символизм цвета в отечественной культуре фундаментально исследован в работах Н.В. Серова [19, 20], а также ряде других работ, в которых ставится вопрос о цвете с позиций культурологии в целом [2]. Тем не менее важно подчеркнуть, что проблема света и цвета в культуре интересует нас, прежде всего, в плане онтологии и оптики мерцания.

Бинарные оптические и онтические оппозиции мерцания в русской культуре должны быть поняты широко и комплексно, но эта широта всегда опирается на конкретику текстов, прежде всего литературных, которые, пожалуй, являются важнейшей и характернейшей манифестацией исторической рефлексии над судьбами русской культуры. В них структурная основа российского архетипа в разные исторические периоды

остаётся, при этом семантические элементы для подстановки могут претерпевать инверсию. Вместо «народ безмолвствует» — «циничное молчание» «верхов» по самым насущным вопросам, вместо традиционной российской «вольницы» — демарши интеллектуально и духовно ограниченной, прозападно настроенной среды маргиналов. Из западной цивилизации в русскую, как правило, исторически попадает внешний формальный элемент, не приживаясь органически на отечественной почве (ср. крыловское «заграничные наклейки», грибоедовское «мундир! один мундир!», добролюбовское «недостаточность внешности» для русской души, недовольство окружающей косной средой). Дихотомия сохраняется, но золотая середина так и не обозначена в полной мере.

В вышеприведённой схеме чётко разведены противоположности, «чёрные» и «белые» тона, но есть ли некая медиация, существует ли она в принципе? Не тот ли это «серый земной рай!», о котором говорит Бердяев [3, с. 82], имея ввиду западные идеалы материального благополучия? Разве не способен серый цвет выразить чувство духовного комфорта, некое ощущение баланса духовных сил? Конечно же, благополучие и благосостояние, но скорее духовного свойства. Серый цвет — цвет опосредования и опосредствования. Серый — нечто среднее между белизной ангельского и чернотой демонического. Большим подспорьем в понимании общекультурных смыслов семантики цвета являются фольклорные тексты, в частности былинные и сказочные, а также их манифестации в искусстве [6, 17]. Образ сказочного «Серого волка», помогающего Ивану-Царевичу, воспетый в русской живописи В. Васнецовым, действительно, по характеру изображения служит тем условным символическим Единым, которое дополняет семантику мужского и женского. Это заметно хотя бы в композиции знаменитой картины В. Васнецова.

Однако семантика серого — лишь намёк на истинную медиацию черноты небытия и белизны творящего света. Символизм подобного опосредования лучше всего прочитывается в актах мерцания. Ранее мы уже писали о том, что мерцание — репрезентация границы акта творения (репрезентация в различных аспектах, оптики, эстетики, онтологии в целом), парадоксальное соединение жизни и умирания, бытия и «ничто» [14]. Онтологически мерцание — это пребывание на границе акта творения, точка бифуркации на границе бытия и «ничто». На медийном экране контуры сущего, его первичные

данные возникают как будто бы на один миг, мерцая между «той» и «этой» сторонами реальности, чтобы вспыхнув здесь-и-сейчас, снова раствориться в черноте «ничто». Вот эти моментальные единичные «мерцания» делают более глубоким понимание оптики и архитектоники актов творения. Различается *мерцание-рождение* и *мерцание-исчезновение*, другими словами, мерцание-к-жизни и мерцание-к-смерти. На экране сущего первичные контуры творения — линии, изгибы, вуали — возникают как будто бы на один миг, мерцая между «бытием и ничто», чтобы, внезапно вспыхнув, снова раствориться в черноте «ничто». Да, безусловно, «ничто» содержит в себе не только семантику возникновения мира, но и семантику смерти, умирания. Но в символизме самой природы, в символизме осени дискурс смерти обретает особую эстетическую ценность и наделяется свойством онтологической первичности. У А.С. Пушкина в «Осени» подобный переход обозначен как румянец чахоточной девы, речь идёт о мерцании-умирании:

Играет на лице ещё багровый цвет.
Она жива ещё сегодня, завтра нет.

А.С. Пушкин «Осень»

Очевидно, что именно подобная «чахоточная» динамика мерцания делает осень как время года для поэта столь привлекательной. В поэзии присутствует два компонента: *оптика* — визуальное эстетическое наслаждение красотой осенней природы, и *онтика* — бытийная динамика природной жизни («онтика» от др.-греч. *ta onta*, то, что больше относится скорее к сущему, чем к бытию, сущее проявлено, в отличие от «ничто»). Нельзя также забывать про *aesthesis* мерцания, про эстетическое созерцание красоты природы и, наконец, про онтологию мерцания в целом, ведь, вступая в сферу взаимодействия бытия и «ничто», мы говорим об онтологии мерцания в самом фундаментальном смысле.

Объединяя в себе две линии проявления, оптику и оптику, мерцание поэзиса образует, подобно спирали ДНК, некую онтологическую спираль, на которой происходит закрепление культурных смыслов и продуцирование культурных кодов. Оптическое (эстетическое) и онтическое (бытийное) часто соединяются в поэтических текстах. Указанная пушкинская интенция звучит по-гераклитовски. Гераклит говорит о жизни человека как о своеобразном онтическом мерцании: «Человек — свет в ночи: вспыхивает утром, уснув вечером. Он вспыхивает утром, уснув вечером.

Он вспыхивает к жизни (букв. «живым»), умерев, словно как вспыхивает к бодрствованию, уснув» [21, с. 216]. Мерцание оптически — слабое свечение с переливами, а онтически — переходы от бытия (свет) к «ничто» (тьма) с «плавающей» временной динамикой. Лучшая иллюстрация — мерцание ночной воды в реке, море.

Одно из лучших стихотворений Афанасия Фета «Шёпот, робкое дыханье» (1850) содержит семантику мерцания в природном смысле *ab ovo*, прежде всего, на примере стихий природы, в частности, водной стихии.

Шёпот, робкое дыханье,
Треби соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья.

А. Фет «Шёпот, робкое дыханье»

Шёпот как некое мерцание речи, «робкое дыханье» как череда мерцающих вдохов и выдохов, «серебро и колыханье» как мерцание воды в ночном ручье, сам мерцающий «свет ночной, ночные тени»... «Тени без конца» — это, опять же, прямая семантика мерцающего света.

Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица.

А. Фет «Шёпот, робкое дыханье»

Недосказанность, недоговорённость, «ряд волшебных изменений» сущего — это несомненная отсылка к некоей свежести, первозданности бытия, к туманному «времени оно», когда человечество было молодо, когда творение мира было словом *ποίησις* в полном смысле этого древнегреческого словообозначения.

В общем смысле русское слово мерцание, как некое варьирование «меры» сущего, в частности меры освещённости, само в себе несёт оптику и оптику обращённой вспять мерности времени. В этом контексте жизнь человека представляет собой некую серию всплесков-мерцаний разной мерности — чередование мгновений, затем дней и ночей, лет, веков, и, конечно же, «времени года». Для творящего мир поэтического воображения некоторые из указанных видов мерцаний весьма значимы, в том числе и времена года.

Согласно пушкинской интенции мысли, мерцать — значит «блистать смиренно».

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихой, блистающей смиренно.

А.С. Пушкин «Осень»

Поэт, созерцающий подобные мерцания сущего, погружается в особое состояние сознания, состояние творения.

И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне...

А.С. Пушкин «Осень»

Прозрачность бытия, *aesthesis* и онтика мерцания, особая тишина, природная телесность времени года — всё это и многое другое образует атрибутику состояния творящей тишины.

Таким образом, хрестоматийные пушкинские строки требуют прочтения своего глубинного содержания, своих неявных тайных смыслов. Подобные моментальные «мерцания», обозначенные гением русской культуры, делают более глубоким понимание оптики актов творения в культурном метатексте. В плане восприятия мира в неких просветлённых состояниях сознания называем подобные всплески-мерцания изначальными модальностями культуры [14].

В русской поэзии мы находим репрезентацию базовых первичных потоков стихий и их дальнейшее закрепление, кристаллизацию в рамках некоторой прото-телесности. Эти фигуры отчётливо представлены в тючевском стихотворении «Есть в осени первоначальной...» (1857): туман, дымка, мгла, субстанция небесной лазури, падающие листья, темная даль... Особенно привлекательны метафоры, в которых сочетается «момент телесности» и «момент мерцания», например: «Лишь паутины тонкий волос блестит на праздной борозде», «и льётся чистая и тёплая лазурь на отдыхающее поле» (Ф.И. Тютчев). Метафора «осени» с её атрибутикой исчезающей телесности — одна из наилучших репрезентаций метафоры творящей пустоты в русской культуре. Осенью, когда уже нет интенсивного слепящего солнечного света, день становится короче и свет становится мерцающим, время неким образом обращается вспять (интроспекция), а в тёмных аллеях нашей памяти, как это показано в ключевом тексте И. Бунина, пробуждаются воспоминания о несбыточной любви [5].

На языке китайской философии из предвечного Дао как единого мирового начала исходят Инь и Ян, мужское и женское. В идеале Дао является трансцендентным, за пределами к миру вещей. Смысл приобщения к Дао в преодолении примитивного бинаризма сознания. Смирненное мерцание поверхности сознания подобно динамике Дао. Даосское мироощущение связано с «недеянием» (кит.

у-вэй), отстранением от формата «мирского», рационального ума. В этой связи можно вспомнить роман «Идиот» Ф.М. Достоевского, слова Аглаи о князе Мышкине: «Главный ум у вас лучше, чем у них у всех, такой даже, какой им и не снился, потому, что есть два ума: главный и не главный» (Ф.М. Достоевский «Идиот», 1869). Это состояние ума персонажа Достоевского — самое простое и непосредственное созерцание истины, «творящая простота» ума, или, что в принципе то же, «творящая пустота». Русское Дао — это мироощущение через природу, путь во внечеловеческом пространстве природного бытия. Этим путём плывут облака, живёт небо, восходит радуга, следуют рыбы, птицы, животные, и только человек является остановкой природного бытия (об этом говорит А. Бергсон). Именно так, созерцая праздник бытия природных сил, князь Мышкин внезапно осознаёт, что он как человек — «всему чужой и выкидыш»: «И у всего свой путь, и всё знает свой путь, с песнью отходит и с песнью приходит; один он ничего не знает, ничего не понимает, ни людей, ни звуков, всему чужой и выкидыш» (Ф.М. Достоевский «Идиот», 1869).

Дао — это путь, человек утерял свой путь в бытии. Дао — это бытие как поток, процесс, здесь присутствует семантика водной стихии. Неслучайно в статье «Луч света в тёмном царстве» Н.А. Добролюбов уподобляет Катерину «большой, многоводной реке: она течёт, как требует её природное свойство» Н.А. Добролюбов. Луч света в тёмном царстве [10]. И если мы — реки, если мы «течём» или просто движемся по течению (звучит в духе учения Гераклита), то возникает резонный русский вопрос, поставленный ещё А.С. Пушкиным: «Куда ж нам плыть?» Здесь важнее духовная составляющая, и практический жизненный вопрос «что делать?» отступает на второй план. «Что делать?» звучит скорее по-западному, чем по-русски. Простой пример — крылатые латинские фразы. Вспомним известное латинское изречение — *is fecit cui prodest*, — сделал тот, кому выгодно. Российское сознание не ищет «выгоды», оно иррационально и устремлено к трансцендентному «мечтою своенравной» (А.С. Пушкин). В плане своей внутренней алхимии оно скорее Восток, чем Запад [11]. «Куда ж нам плыть?» онтологически важнее и первичнее для русского сознания. Оно, в общем, соответствует знаменитому гоголевскому «Русь, куда ж несёшься ты?» в смысле активного движения вперёд, к освоению новых пространств. Однако в последнем случае базовая стихия природы не вода, а воздух. Воздушная стихия

соответствует «осени» (у А.С. Пушкина атрибутика осени связана с актом дыхания — «ветра шум и свежее дыханье», «уж небо осенью дышало»).

Состояние внутреннего мира гения русской культуры в знаменитом стихотворении «Осень» свидетельствует о движении от статики к динамическому состоянию, от осени к весне. Этот порядок «от осени к весне» есть некое обратимое вспять течение событий (весна как воспоминание). Таким было течение времени в мифологический «золотой век» греческой мифологии [22]. Это время, когда на Земле царствовал Кронос. В этот золотой век («золотой век» и «золотая осень» — излюбленные метафоры русской культуры), когда время текло вспять, человечество было вечно молодым. При этом надо помнить, что Кронос, или Сатурн, — божество хтоническое, подземное, и в ритуалах изображалось с тогой, наброшенной на голову [23, с. 668]. Прекрасной и глубокой иллюстрацией «времени оно», когда правил Кронос (рим. Сатурн) является стихотворение М. Волошина.

Время свергается в вечном паденье,
С временем падаю в пропасти я.
Сорваны цепи, оборваны звенья,
Смерть и Рождение — вся нить бытия.
М. Волошин. Из цикла
«Когда время останавливается»

Таким образом, можно сделать вывод, что для российского сознания характерны различные варианты семантики мерцания, в частности, парадоксальное сочетание деспотических и анархических интенций, коллективизма и индивидуализма, стремления к максимальной свободе и рабской покорности. Литературные тексты как форма саморефлексии русской культуры несут в себе дескрипции онтологического мерцания, как некоего варьирования «мер» сущего, содержа онтику и оптику обращённой вспять мерности бытия, мерности времени и пространства, в котором возникают образы, прежде всего, представленные как метафоры природных сил.

В заключение можно отметить, что бинарность и парадоксальность русского мышления проецируются на систему культурных кодов и социальных отношений, текстов культуры в целом [15]. Черёда заимствований с Запада, начиная с петровских преобразований, вступает в противоречие с трансцендентальными особенностями отечественного менталитета. Мерное созерцательное отношение к действительности является важным эвристическим ресурсом в осмыслении и закреплении культурных заимствований. Именно размеренная

глубокая созерцательность, поток единичных творящих смыслов способны направить сознание русского человека в созидательное русло. Духовная реальность русского человека не алгоритмична, не механистична, она органически вызревает изнутри. Органика творения своего уникального мира в тестах культуры приобретает особую семантику и прагматику, семантику и прагматику мерцания творящей пустоты. Первичная поляризация креативного пространства культуры на трансцендентальном уровне, понятая как онтологическое мерцание, очень важна здесь, в то же время являясь репрезентацией отечественного мироощущения в целом.

Понимание парадоксальных кодов российской культуры возможно на уровне семантики её текстов, когда единичные «мерцания» делают более глубоким понимание оптики и архитектоники рассматриваемых образов.

Список литературы

1. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998.
2. Антропология цвета, или во что окрашена культура // Вопросы культурологии. 2019. № 2. С. 26–29.
3. Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции. М., 2006.
4. Бердяев Н.А. Судьба России. СПб., 2016.
5. Бунин И.А. Темные аллеи. М.: ЭКСМО-Пресс, 2020.
6. Былины. М.: Современник, 1991.
7. Водолагин А.В. Русское познание Бога. Философия духа в России. М., 2019.
8. Голосовкер Я.Э. Имагинативный абсолют: сборник. М., 2012.
9. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: АСТ, 2019.
10. Добролюбов Н.А. Луч света в тёмном царстве [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/1492/p.1/index.html>. Дата обращения: 10.09.2021.
11. Лихоманов И.В. Восточный халат Ильи Ильича Обломова и метафизика «обломовщины» // Идеи и Идеалы. 2018. Т. 2, № 3(37). С. 152–168. DOI: 10.17212/2075-0862-2018-3.2-152-168
12. Малышев В.Б. Свет и цвет творения: символизм изначальных модальностей культуры // Креативная экономика и социальные инновации. 2021. Т. 11, № 1(34). С. 47–54.
13. Малышев В.Б. Вопрос о мимезисе в свете теории метафоры: к постановке проблемы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 3(53). С. 122–129. DOI: 10.26456/vtphilos/2020.3.122
14. Малышев В.Б. Мерцающий свет творения: к вопросу о символизме изначальных модальностей культуры // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гумани-

- тарные, медико-биологические науки. 2019. Т. 21, № 69. С. 52–57.
15. Межуев Б.В. Есть ли у России свой «цивилизационный код», и в чём он может заключаться? // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 35–47. DOI: 10.31857/S004287440000221-8
 16. Попова С.В. Ценностные архетипы русского народа // Общество: философия, история, культура. 2020. № 3(71). С. 13–15. DOI: 10.24158/fik.2020.3.1
 17. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Азбука, 2021.
 18. Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьёв. М.: Наука, 1991.
 19. Серов Н.В. Символика цвета. СПб.: Страта, 2015.
 20. Серов Н.В. Цвет культуры: психология, культурология, физиология. СПб.: Речь, 2003.
 21. Фаритов В.Т. Идея вечного возвращения в русской поэзии XIX – начала XX в. СПб., 2018.
 22. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М.: Наука, 1989.
 23. Фрейдберг О.М. Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. М., 1998.
 24. Эпштейн М.Н. Постмодернизм в России. СПб., 2019.
 10. Dobrolyubov N.A. Luch sveta v temnom tsarstve [Internet]. (In Russ.). Available from: <https://ilibrary.ru/text/1492/p.1/index.html>. Accessed: 10.09.2021.
 11. Likhomanov IV. Oriental Gown of Ilya Ilyich Oblomov and metaphysics of “Oblomovism”. *Ideas and Ideals*. 2018;3(37):152–168. (In Russ.). DOI: 10.17212/2075-0862-2018-3.2-152-168
 12. Malyshev VB. Light and colour of creation: symbolism of the original modalities of culture. *Creative Economy and Social Innovation*. 2021;11(1(34)):47–54. (In Russ.)
 13. Malyshev VB. The question of mimesis in the light of metaphor theory: to the problem statement. *Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy*. 2020;(3(53)):122–129. (In Russ.). DOI: 10.26456/vtphilos/2020.3.122
 14. Malyshev VB. The Flickering Light of Creation: on the question of the Symbolism of the original modalities of culture. *Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, Humanities, Biomedical Sciences*. 2019;21(69):52–57. (In Russ.)
 15. Mezheuev BV. Does Russia have its own civilizational code, and what can it be? *Voprosy filosofii*. 2018;(7):35–47. (In Russ.). DOI: 10.31857/S004287440000221-8
 16. Popova SV. Value-based archetypes of the Russian people. *Society: Philosophy, History, Culture*. 2020;(3(71)):13–15. (In Russ.). DOI: 10.24158/fik.2020.3.1
 17. Propp VYa. Morfologiya volshebnoy skazki. Moscow: Azbuka; 2021. (In Russ.)
 18. Rossiya glazami russkogo: Chaadaev, Leont'ev, Solov'ev. Moscow: Nauka; 1991. (In Russ.)
 19. Serov NV. Simvolika tsveta. Saint Petersburg: Strata; 2015. (In Russ.)
 20. Serov NV. Tsvet kul'tury: psikhologiya, kul'turologiya, fiziologiya. Saint Petersburg: Rech'; 2003. (In Russ.)
 21. Faritov VT. Ideya vechnogo vozvrashcheniya v russkoi poezii XIX – nachala XX v. Saint Petersburg; 2018. (In Russ.)
 22. Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov. Ch. 1. Moscow: Nauka; 1989. (In Russ.)
 23. Freidenberg OM. Mif i literatura drevnosti. 2nd ed. Moscow; 1998. (In Russ.)
 24. Epshtein MN. Postmodernizm v Rossii. Saint Petersburg; 2019. (In Russ.)

References

1. Alekseev NN. Russkii narod i gosudarstvo. Moscow: Agraf; 1998. (In Russ.)
2. Anthropology of color, or what culture is painted with. *Voprosy kulturologii*. 2019;(2):26–29. (In Russ.)
3. Berdyayev NA. Duhovnye osnovy russkoi revolyutsii. Moscow; 2006. (In Russ.)
4. Berdyayev NA. Sud'ba Rossii. Saint Petersburg; 2016. (In Russ.)
5. Bunin IA. Temnye allei. Moscow: EKSMO-Press; 2020. (In Russ.)
6. Byliny. Moscow: Sovremennik; 1991. (In Russ.)
7. Vodolagin AV. Russkoe poznanie Boga. Filosofiya duha v Rossii. Moscow; 2019. (In Russ.)
8. Golosovker YaE. Imaginativnyi absolyut: sbornik. Moscow; 2012. (In Russ.)
9. Danilevskiy N.Ya. Rossiya i Evropa. Moscow: AST; 2019. (In Russ.)

■ Информация об авторе

Владислав Борисович Малышев — доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук. ФГБОУ ВО «Самарской государственный технический университет», Самара, Россия. E-mail: vlmaly@yandex.ru

■ Information about the author

Vladislav B. Malyshev — Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Social-humanitarian sciences. Samara State Technical University, Samara, Russia. E-mail: vlmaly@yandex.ru